

Алексей Студнев

Тихо шепчет сад заброшенный

12+

Алексей Студнев

Тихо шепчет сад заброшенный

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Студнев А. М.

Тихо шепчет сад заброшенный / А. М. Студнев — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

Эта книга написана о поколении 70-х. Десятый класс, юношеский
максимализм и позднее раскаяние.

© Студнев А. М., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

ТИХО ШЕПЧЕТ САД ЗАБРОШЕННЫЙ

– Ну, все я побежала.

Женька чмокнула меня в щеку. Уже в прихожей крикнула:

– Не забудь, у тебя сегодня издательство и вечером встреча с одноклассниками.

Она всегда была такой собранной, все помнящей, и за все беспокоящейся. Я допивал остывший чай, глядя в замерзшее окно и почесывая небритую щеку. Мысли как-то незаметно улетели туда, в то далекое, светлое и доброе, в котором, как пела Алла Борисовна, «каждый день кино». Точно, кино какое-то, как вчера все было. Я кинул чашку с недопитым чаем в мойку, мыть как всегда лень... Потом. И перебрался в кабинет, единственное место в котором я чувствовал себя уютно. Отогнал все мысли и сосредоточился. Как там было?

Застрял в сосульках увядающий мороз...

Нет, ерунда какая-то.

По переулкам одиночим...

Вот, блин, и переулки, уже были. Не лезет с утра, значит, день пропал.

... – Астраханцев, к доске.

А? Что? Смотрю в окно, никого не трогаю. Чей это мурый с утра рыскает, наверно, Татарина. Вот развел голубей – и мурые, и красные, и каких только нет. А здесь своих два десятка кормить нечем.

– Я не готов, Валентина Ивановна.

– А когда ты, Астраханцев, был готов? Встань, когда с тобой старшие разговаривают. О чем ты думаешь на уроке литературы? Вас что-нибудь интересует в этой жизни?

Про себя: «Да думаю, чей мурый рыщет. А про вашего Онегина...» и уже вслух:

– Онегин Ваш, Валентина Ивановна, был хоть и бабник, но поступил правильно! Нечего было этой Татьяне ему на шею вешаться. А то «Я вам пишу...»

– Замолчи, Астраханцев! Выйди из класса. Ничего их не интересует. «Митрофанушки»! И что из вас вот таких выйдет? Непонятно. Не выйдет из вас героев...

– Подождите, Валентина Ивановна, Вы еще мое творчество проходить будите на своих уроках!

– Иди, иди, Астраханцев, а то сейчас твое последнее творенье на уроке литературы будет изучать Виктор Данилович.

Виктор Данилович – это наш директор школы. Замечательный человек, с большой буквы. Фронтвик, офицер, был ранен. После войны уже институт педагогический закончил. Физмат. Жена у него очень красивая. Зовут ее Нина Сергеевна, говорят, она у него в десятом классе училась, и он ее прямо со школьной скамьи в ЗАГС повел. А потом она тоже физмат закончила, и они к нам в школу приехали.

Был Виктор Данилович строгим, но справедливым. Мы его не боялись, как это зачастую бывает: раз директор, значит, все должны трястись. Он был с каким-то внутренним стержнем, который было видно в его выправке, размеренных твердых движениях, в его походке, в умных внимательных глазах, в манере разговаривать. Кажется, задавая вопросы типа «Как это произошло?», он заранее знал ответ, но лишний раз хотел убедиться в том, что он прав. Прежде чем что-то сказать, он всегда делал паузу, как бы обдумывая. И лишь потом говорил. Говорил

он всегда тихо, но твёрдо. Подчеркивая каждое слово. Если он кого-то отчитывал, то делал это, не обижая собеседника, но настолько точно и аргументировано, что было стыдно за содеянное.

Зима, зима. Мне всегда трудно было писать про зиму, да и что про нее можно написать? Ну мороз, ну снег... То ли дело – осень, сколько красок. Палитра невообразимая.

*Разбросала осень акварель,
Отражаясь в капельках дождей.
И танцует красок хоровод,
На пустынных сценах площадей.*

Зима, зима...

*Последний снег лежит
На индевелых крышах.*

Ну вот, вроде что-то. Все равно ерунда, нет души у этой зимы, а если нет души, то что тогда описывать? Это как механической китайской игрушке приписывать какие-то не существующие качества. То ли дело старый добрый плюшевый мишка... Блин, опять я не про то.

Тоже, соберутся все одноклассники, состряпают добрейшие физиономии. Ну ты где, ну ты как? Как, как. Не как! Вот эта зима не идёт... а сдавать надо завтра, а сегодня предварительный просмотр, а показывать нечего.

– Астраханцев, ты почему не на уроке?

Ну вот, кажется, влип.

– Да я в туалет, Татьяна Дмитриевна.

Это наш завуч, у нее еще мой отец в вечерке учился. В войну была медсестра! Говорят, она кучу раненых из-под огня вынесла. Герой! Отец говорил, что ее все мужики в вечерке боятся, когда ее урок, они не решались даже пива кружечку пропустить.

– У тебя, Астраханцев, что, недержание, что ли? На каждом уроке у тебя туалеты, смотри – позвоню отцу.

– Я быстро, Татьяна Дмитриевна, одна нога тут другая здесь.

– Там.

– Что там?

– Нога другая там.

– А, ну да.

Скорее бы перемена. А то спалишься, не дожив до вечера. А вечером танцы, а танцы, как комсомольское собрание, пропускать нельзя. Так что надо дожидать во чтобы то ни стало. Долгожданный звонок, и я спасен! Теперь за школу – на перекур.

Зима, зима...

Поземкой осыпает все вокруг...

Это кто же придет, интересно? Пан спортсмен не придет – это уж точно. Он у нас до восьмого доучился и ушел в педучилище на факультет физкультуры. Нормальный был пацан, во всяком случае, с какой-то целью в голове, не то, что мы.

– Кем хочешь стать?

– А я еще не знаю.

И это в десятом, а Пан спортсмен знал. Андрюхой звали, точно Андрей. И где он сейчас? Как судьбушка сложилась? Или Зема. Я Земля, я своих провожаю питомцев. Пел хорошо Серёга и на баяне играл. Тоже не знаю, где. Мы как-то лет двадцать назад собирались, юбилей был в аккурат двадцать лет. А теперь сорок. Во время летит. Когда на выпускном винца хлебнули, друг другу в вечной дружбе клялись. Писать обещали. Выпускной...

Здорово было, все нарядные, девчонки какие-то в один миг взрослые стали, с прическами. В бальных платьях, макияж. Ну макияж тогда конечно был «мама не горюй!», но все равно круто. Галка – да Галка, и до неё дошел – красивая была девчонка, очень нравилась, да не мне одному, полшколы вздыхало. А она, видишь ли, своим одноклассникам предпочла дембеля Толяна. Он-то парень неплохой был, но все равно одноклассник есть одноклассник. После школы сразу поженились и уехали, и с тех пор я ее не видел. Говорят, они разошлись, а может, и нет. Недавно появилась в «Одноклассниках», ну, прямо скажем, не очень, и опять этот возраст. Что же это за напасть такая – ни памяти с этим возрастом, ни внешнего вида.

Зима, зима...

Тебе кричу, но ты меня не слышишь...

Ну и тупик, попробуй подбери рифму к слову вокруг... –друг... –круг...

И не когда не разорвать нам этот круг.

Буза какая-то. Крыши – слышишь.

Зимой и поэтам, наверное в спячку надо впадать как медведям. А что, сколько страна бумаги экономит? Это ж вагоны бумаги.

– На следующий урок идешь?

Спросил меня Чугун, не знаю, почему его так прозвали. Наверно, из-за роста и большей головы. Он когда на танцах дрался, излюбленным приемом у него было бить лбом.

– Не знаю, а что, есть предложения?

– Может, до больницы?

Больница у нас была районная, и в нее приезжали на комиссию из других районов, ну а мы, как хозяева земель, брали дань.

– Да пошли.

– Да, да, слушаю.

Телефон прервал мои воспоминания.

– Сергей Матвейч, это Лена...

– Да, Леночка, слушаю.

– Сергей Матвейч, мне Вас сегодня ждать?

– Ох, Леночка, даже не знаю. Покинула меня моя непорочная любовь по имени Муза.

Сижу в горькой тоске, оплакиваю.

– Сергей Матвейч, ну может, сжалится, вернется?

– Сомневаюсь, Вам ли, Леночка, не знать о коварстве женщин.

– Может, она не такая, может, она добрая.

– Ну надежда умирает последней.

– Так я Вас сегодня жду?

– Наверно.

– Ну тогда до встречи?

– Пока.

Нет, все же, что ни говори, а в зиме тоже есть какая-то прелесть. Это мы в городе сидим и ничего не видим, кроме грязного снега. А выехать в лес... Красота – ели под снегом, рябины, снегири. Лес...

После выпускного на утро поехали в лес. Шашлыки, вино. Делились – кто куда поступать будет. Горбонос, это Горбоносов наш, он с детства хотел хирургом стать. Ему как аппендикс вырезали, так он и заболел «белыми халатами». И поступил же. Сейчас уже профессор. Профессор... Сашку Прокопенко так звали – «профессор». Художник. Он всегда хорошо рисовал, в художке учился, а после восьмого в художественное училище рванул. И поступил-таки, и конкурса не испугался. Сейчас где-то в Тамбове, директор художественной школы.

Во разбросало. А меня почему-то всегда в деревню тянуло, на берегу реки дом, птица всякая, экзотическая. Цесарки, павлины, голуби, фазаны. Так и не сбылось. Ну ничего, оно и в городе неплохо, когда свой дом дворик, садик, виноградник. Ну и хорошие соседи, это самое наипервейшее, когда с соседом можно так вот запросто чайку на веранде попить и о жизни потрещать.

Из больницы мы с Чугуном тогда вернулись с добычей, рубля два насшибали. Зашли в магазин, купили сигарет и довольные двинули к школе.

Школа наша находилась на бульваре Энтузиастов, кто они такие были эти энтузиасты и что они такого сделали для нашего Пятиморска, я и сейчас не знаю. Любили в стране советов из крайности в крайность: то какие-то энтузиасты безликие со строителями и коммунарами, а то сразу Брежнев, Андропов. А политбюро ЦК КПСС в то время не молодое было – всем за семьдесят, представляю что бы было лет через десять в стране: Брежневбург, Андроповград – не страна, а колумбарий. Вовремя перестройка началась. Свернули этот опыт, а городам дали прежние названия.

В школе было прохладно и пахло чем-то непонятно-казенным. Мы быстро пробежали в туалет, чтобы никто не заметил и стали дожидаться перемены.

Зазвонил мобильник. О, Бражко...

– Привет, Хан!

– Привет, Бражко!

– Еще живой?

– А что со мной сделается?

– Ну как же, все под Богом ходим, а ты часто через дорогу без сопровождения, да еще и не в ладу с собственной головой.

Он всегда был язва, начитался в молодости О'Генри вперемешку с Ильфом и Петровым и шпарил цитатами, думая, что остроумен. Многих это раздражало, а я как-то спокойно на это смотрел.

– Не дождешься!.. Че звонишь ни свет ни заря? Похмелье одолело что ли?

– Старик, ты же знаешь, с зеленым змием я битву выиграл окончательно и бесповоротно. Так что из напитков предпочитаю только традиционный русский чай и ничего больше!

Ну поперло, сейчас скажет, что раньше ему эта битва не приносила положительных успехов и он часто просыпался не со щитом, а на щите да ещё и в вырезвителе....

– Это я раньше....

– Ладно, Брага, давай короче, мне работать надо.

– Что, мысли через край? Новые сюжеты, новые герои?

– Ну вроде того. Че надо?

– Ты идешь сегодня засвидетельствовать свое почтение нашим старушкам из 10 «А»?

– А что, ты хочешь меня сопроводить, чтобы не заблудился?

– Да нет, ты столько не зарабатываешь, я же VIP-проводник, я думаю, может, цветов взять каких или там шампанского. Сами не пьем, так хоть девок подпоим, покуражимся.

– Бражко, тебе сколько лет?

– Ты опять меня носом в песок, ну младше я на два месяца, но это не дает тебе право разговаривать со мной как с ребенком...

– Да я не про это, просто у наших девушек у кого подагра, у кого радикулит.

– Да ладно, видел я здесь, месяц назад Ольгу Петрушку (это Петрухину значит) в полном расцвете, как говорится, грудь колесом не меньше третьего, спина, ниже пояса тоже, оставляет, неизгладимый след в памяти, измотанной временем и алкоголем. Ну а лицо, сам знаешь, какие чудеса творит современная наука. Так что девочки наши...

– Ну цветы – так цветы, я за любой кипиш...

– Тогда где встречаемся? Давай у ларька цветочного, рядом со школой в семь. Окей?

– Ну давай, давай.

– Сам «давай».

– Все, Володь, пока, надоел.

Я положил трубку.

Фамилия у Вовки была Бажков, но кто-то ляпнул, не подумавши, Бражко, так и повелось, Бражко. Погоняло свое он полностью оправдывал. Любитель заложить за ворот или, как сейчас выражается молодежь, одеть синие ботинки. От этого у него была масса всяких неприятностей и дома, и на работе. При советах с зеленым змеем боролись беспощадно. И конечно, не обходилось без перегибов. Если тебя ловят при выходе из пивного бара, в который ты заходил далеко не для того, чтобы хлебнуть «Баржоми», ты попадаешь в вытрезвитель, и на утро тебя удостоивают почетного звания алкоголика, ставят на учет, и жизнь твоя превращается в ад. На производстве два раза в день, утром и вечером, ты должен отмечаться у нарколога, и не дай Бог от тебя запах, даже вчерашний. Ты тут же переходишь в разряд злостных и тогда... Ну не будем о грустном.

Володька в классе был своеобразным мешочком смеха. Выкидывал такие номера! Был очень любознательным, неплохо разбирался в радиоделе, чему и посвятил свою жизнь. Выписывал кучу научных журналов, постоянно проводил какие-то эксперименты. Варил мыло, изобретал передатчики, изучал библию, тут же сопоставлял ее догмы с кораном, и делал еще кучу самых нелепых вещей, до которых нормальный человек вряд ли додумался бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.